

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЧКА

Даниил ПОСАЖЕННИКОВ
Новосибирск

ДО СРОКА

Мне казалось, что по ночам я спускался к реке. Острота камней под ногами и острота звёзд в смешении чёрного и тёмно-зелёного, и воздух, который можно было схватить рукой, внушали мне потустороннее волнение. Всё было видно особенно чётко, особенно ясно слышался каждый шорох. Я – часть ночи, спускающаяся к её чёрной реке, гремучей змейёй устремившейся вдаль.

Вблизи вода словно перестаёт шуметь, звуки позади меня исчезают вовсе. И тогда можно увидеть на противоположном берегу несколько человек. Их нельзя разглядеть наверняка, но я чувствую, чувствую спокойный и мощный взгляд, приковавший меня к холодным булыжникам на песке. Мне делают некие знаки. Выше по течению заходит маленькая лодка. Очень медленно она начинает разворачиваться в мою сторону, постепенно оказываясь на одном уровне. Я вижу эти глаза, я знаю... Лодка проплывает мимо меня, и я стремглав спешу обратно, чтобы записать те мысли, что вложило в меня серебро безмолвного взгляда.

Утром прочту, что пришедшим до срока не повернуть ключ в замке, что лишь вечное ожидание обретёт тот, кто решил спастись бегством.

Но я не беглец, я лишь пошёл дальше остальных и не вернулся без разгадки. Да и с ответом на мой вопрос исчезнет надобность возвращения, ответ на мой вопрос станет моей переправой через реку. О как здесь странно, словно парю в пустоте, держа в руках лестницу, ничёмную, бесполезную лестницу. Я остаюсь, остаюсь сражаться с тем, что не пускает меня к заветной цели. Моё место по ту сторону синей границы.

I

С рассветом на берегу я находил одинокого рыбака. Я знал его с моего появления здесь, но откуда и кто он, было мне неизвестно.

– Что бы ты хотел больше всего на свете? – спросил я.
– Я бы хотел вырвать из груди сердце, и бросить его в реку, – сверкнул он ГЛАЗАМИ?

– Почему же ты этого не сделал?

– Когда-то я нашёл на этом берегу снасти. Влага порядком попортила их, но всё же они были целы. И я подумал – раз есть снасти, значит должен быть и рыбак. Его мне найти не удалось, и я решил, что нужен здесь, что снасти эти оставлены для меня. По вечерам делюсь пойманным с тобой и другими путниками. Также со старым пеликаном, приходящим из-за того острого утёса. Вот поэтому я здесь. Но право, я бы хотел вырвать из груди сердце и бросить его в реку.

– Но что же на самом деле можно поймать в этой реке, разве ты чем-нибудь со мной поделился?

– О да, в мои сети попадает самое дорогое, в мои сети попадает время.

– Время и есть река.

– Река – лишь состояние вечности.

Быть может обманчивая вода для каждого таила самое желанное, я же, сделав глоток, лишь горше ощутил окружающую и внутреннюю пустоту. Само

моё существо было прозрачным ледяным кувшином, разливающим её по миру. Мы все находились под властью того, чему не могли дать название.

Я сказал «пустота» – рыбак же ощутил на своих плечах невыносимую тяжесть.

Я сказал «нигде» – и его взгляд утонул в течении синего пламени.

Кругом реки была зелёная тьма лесов, подножие гор, устремлённых на запади окаймлявших беспросветные чаши. Я смотрел на своё извивающееся отражение. Тот человек был порядком стар. Возвращаться было бесполезно, переправиться было невозможно. Река слишком быстра и опасна. Слишком широка.

Когда-то я нашёл на берегу посох. Но не было странника.

II

Я долго думал о том, почему я пришёл к реке, почему остался рядом с ней. Увидел много причин. Или же одну?

Бога, который, сверкнув белоснежным плащом, покинул меня. Бога, который горел непреходящей искрой в камне заостренней души. Бога лесов и гор, неуловимого Бога реки. Того Самого, в ком тонули все мои замыслы, радости и печали. Где всё моё горе становилось частью уравнения. Где я был одним из чисел. Бога, запечатлённого в миллионах лиц, прозрачного мною в каждом движении жизни. Бога любви и света. Бесконечного и несбыточного! Проявленного и смертного! Смотрящего на меня Твоими глазами. Смотрящего на Тебя...

Но даже это меркло, когда возникала мысль, что я здесь из-за Тебя.

Ты, имеющая возможность понять меня, пускай на краткий миг, и на этот самый миг избавить меня от всей тяжести неба на моих ключицах. Твоя слеза и Твоя улыбка могла спасти меня. Я не делал выбора между частью и целым. Я думал, лишь Ты сможешь подвести меня к Свету. В своих поисках я падал всё ниже и ниже. Где оно, то, что мучит меня? В отражении воды, в рисунке ладоней, в темноте зрачка? Моё прошлое, где оно? Я выбираю ножи из остатков души.

Здесь нет ничего, кроме реки.

Кроме рыбака.

Кроме сердца, которое хочется вырвать и бросить в эти надменные воды.

Равнодушные воды.

Вечные воды.

Я должен вернуться, иначе я нашел бы на берегу лодку, а не рыбака. Я должен вернуться, я не готов к переправе. Есть снасти – есть рыбак. Есть срок – есть его исполнение. Мне надо вернуться – есть посох, надо идти, но я не хочу вновь греметь своими цепями. Дай же мне освободиться...

III

Я бродил. Я шёл как можно ближе к реке, и наконец, понял, что при таком движении здесь меня просто

не существует. Не вижу своего отражения в бурном потоке, камни не позволяют оставить отпечаток ног – меня нет. Имя моё забыто, кругом однообразный плеск воды.

Сворачиваю к лесу. Кто я? Даже увидев то самое отражение, я бы уже не признал в себе нечто определённое, нечто выраженное. Я, как и вода, имею свою скорость в отрезок времени. Преодолеваю отмеренное мне расстояние – для меня это кружение среди деревьев. Они тянут ко мне узловатые руки, но не могут ухватиться. Целый мир призрачных созданий пытается приблизиться, пытается схватить меня. И заглядывая в лицо, вопрошают – кто ты? Бесплотные тени, замкнутые у переправы, не достигшие другого берега, они стали травами и листьями. Они ветром взъерошивают мои волосы, они корнями путаются под ногами, заманчивым переливом предлагают остаться, но прежде спрашивают – кто ты? И неведомый тусклый свет плетёт свою паутину во взволнованных моих присутствием кронах, спускается на мою ладонь, обнаруживая на ней еще видимые нити судьбы. Цветы дарят мне свою невысказанную печаль, последнее своё сокровище и вьнут в моих руках. Упавшее дерево стонет со сломенными руками и шепчет мне – кто ты? Я теряюсь, теряюсь, теряюсь. Кто-нибудь подберёт меня, как оторванную от рукава луговицу. И не признает во мне ничего, и ветер с его открытой ладони понесёт меня дальше, пока... пока.

IV

Надо уходить от реки. Она не принимает пришедших до срока. Перевозчик не сходит к моему берегу. Долетит ли до его лодки мой камень? Или опять вернётся назад, ударяя в грудь? По ночам я всё также ловлю его взгляд, говорящий со мною...

– Хлеб утоляет голод. Вода – жажду. Ты, припав к реке, требуешь от неё всего и сразу. Но вода не способна тебя накормить. Поймай рыбу из этих вод – вот она, пища. Да и то, не для тебя.

– Я сын реки, она должна дать мне всё, она должна спасти меня!

– Ты более сын дерева, так же стоишь на своём. Возвращайся к людям, там получишь ты всё, что нужно. От одного источника – всё. Лишь не требуй, чтобы вода стала хлебом... Всё это лишь часть, обратись к целому...

Дерево зашумело, посылая в мутную воду горсти земли, и подмытый край обрыва рухнул в воду. Запрокинулась крона с уставшей поникшей зеленью, и дерево, раскинув ветви, упало следом. Словно пронзённый чей-то стрелой, я тоже иду за ним. Играет луна на красном росчерке тела. На синем русле души. Пронзённое тело падает в воду. Мне пора возвращаться.

Где ты, моя радость,
Далеко отсюда?

Где ты, моя радость,
Может быть, здесь ты
Да я не вижу тебя?

Я развожу костёр, бесплодный костёр, остерегаясь

Альманах
Порт-фолио

Каждый автор имеет право быть услышанным - каждый читатель имеет право выбирать

<http://www.port-folio.us>

гостей. Я в испуге листьев забываюсь тревожным сном. Где-то шумит река, бессмертные воды. И во сне Ты придёшь поделиться своими сомнениями. И я узнаю, в который раз, что всё иначе на самом деле. И даже об этом «иначе» мы можем сказать лишь то, что ничего не знаем. Кроме как о существовании этого «иначе».

V

Утром туман меж пальцев и трав, крадучись, подбирается к лицу. Я вдыхаю сырость оврагов и просыпаюсь. Лес стал мне ближе, теперь я был продолжением его тёмной листвы и заиндевших поутру ветвей. Вчерашнее серебро на небе стало свинцом и грозило обрушиться, наполнив тонкие нити растений влагой.

«Пора, более оставаться нельзя, пора идти», – гудело в моей голове. Я встал осмотреться и услышал звон ручья. Он ронял слова, и это был Твой голос. Сразу за краем поляны я нашёл эту прозрачную нить небьющегося хрустала. Вечно стремящегося вперед. И кажется, что на очередном повороте, разлетевшись на сотни осколков, он уже не сольётся в стремительную стрелу. Это был путь к Тебе. И сделал шаг по его направлению, впервые за долгое время ощутил радость. Ощутил путь и свой шаг, верный или не верный, но он давал мне направление, он делал меня Живым. Я – это уже не зеркало бессмертного леса и синих кос реки. Я – это движение к Тебе.

В темноте отдаленных деревьев, куда не пробился свет, я вновь увидел всех тех, кто до сих пор находился у реки. Почти истаявшие их души смотрели на меня с мольбой. Они хотели идти, хотели сделать шаг и явственно ощущали, что я еще жив. А я, в свою очередь, чувствовал, как исчезает вся терзавшая меня так долго пустота. Да, мне было ничего не известно об их путях, да, я ничего не знал ни о жизни на этом берегу, ни на другом. Но понимал, что они так же, как я, считают себя брошенными и одинокими, что они так же, как я, умирают от собственного незнания. Они ощущали ту махину, тот океан, для которого река была лишь небольшим рукавом, и они терялись, они не понимали, что им делать. И мне стало не до поиска виноватого во всём происходящем, хотя я не отступался от поиска причины – это первейший и самый древний путь. Но теперь я уже не отталкивал всех их, принимая за часть декораций. Это были полноправные актёры, это были страдающие за свой поиск души. И я уходил из своей пустоты хотя бы для того, чтобы, пусть на самую малость, на едва возможную долю, облегчить их шаг. Я не мог помочь, но мог взять на себя смелость быть живым и выйти из построенного мною замка, взять на себя смелость сменить картины из песка на картины из самого настоящего, самого крепкого камня. Имел смелость раскрывать двери настееж, и испытать всю силу надвигающейся волны. Я шёл вдоль ручья и шептал им – «Я жив...».

Казалось, лес услышал меня, и безликое окружение словно наполнилось животворящей силой. Быть может, лишь на миг, но я услышал настоящих птиц, меня окутал шелест настоящей листвы. Гудела под нагретой корой деревьев смола, гудели отпущенными золотыми пружиными насекомые. Жизнь оказалась всюду, стоило мне повернуть внутри заветное зеркало, образующее связь с этим миром, стоило мне протануть ему руку и вот он уже подаёт мне свою. Я искал волшебство, и мои поиски привели меня в пустыню, я осмелился взглянуть на красоту – и нашёл волшебство. Я говорил с ручьём – он увлекал меня всё дальше. Он ширился, вода играла всё громче, стеклянные трубы текли, и ветер с трудом успевал вызывать из них звуки. Я слышал во всём Тебя. И начинал понимать, что словно погружаюсь в синие воды и вижу на дне искрящийся камень, я опускаюсь, я плыву к нему, я почти коснулся – дно отдалается, проваливается, и камень искрит уже дальше, еще глубже. И вновь всё повторяется, и Твой мир неизменно расширяется, неизменно вырастает. Я открываю дверь за дверью, но каждая из них становится лишь преддверием к Тебе.

Из ниоткуда возникают новые стрелы, и ручей превращается в поток, и за одним из деревьев я

обнаруживаю изгиб реки. Там воды сливаются воедино, над ними же высится обрыв, и там, склонившись над цветком – Ты.

Я кричу, но напрасно. Ты спишь, глаза Твои закрыты. Ты не хочешь видеть реки, не хочешь видеть этого леса. Но как Ты оказалась здесь? И как смогла не потерять Себя? Я долго смотрел в никуда, сев на цветочный ковёр рядом с Тобой. И мне показалось, что я начал слышать песню. Я стал приходить каждый вечер... Я стал различать слова...

Среди всех изгибов моей дороги, вдоль горных утёсов, отвесных скал. В сплетённой солнцем и ветром траве, вереске, песке и пыли. Кувшинках в болотной мгле и ярких пролесках. Между всеми нитями моих путей я стал видеть Тебя. Моё сердце разогнало по красным рекам корабли, и на каждом их флаге был Твой знак. Моё небо пускало по синим рекам парусники, и они падали к Тебе на руки каплями воды. Я брал в руки кисть и не смешивая краски бросал их на полотно.

Я уже не художник, я его глина.

Заветной шкатальной открывается небо и я более не одинок, и уже не я говорю с жизнью. Жизнь вопрошает сама себя.

Я уже не художник, я его холст.

Заветным щелчком поворачивается затвор и дверь

распахивается.

Входит Художник.

Я вижу Тебя, Он – рисует.

Он вбирает мой свет, мои тени исчезают.

Художник рисует Художника.

Пулсирует в глазу отражение. Взгляды. Взгляд.

Дыхание.

Художник рисует Художника.

О Тебе Твоя Песня.

VI

Я приходил к Ней по вечерам, а днем всё так же бродил недалеко от реки. Вечера наполнялись волшебством – Она словно проспала от долгого сна, внезапно улыбалась и даже начала со мной говорить. Настанет время, и мы уйдём, и я должен быть готов к пути, должен идти без поклажи, быть лёгким. Раз здесь преобладают тени, и все пришедшие до срока словно тают под злыми ветрами, пускай растает здесь мой груз. Мне открылось небо – что мне до камней в рюкзаке? Я нёс его покоем, я нёс его туда, где можно освободиться. Пускай путь на другой берег для меня закрыт – но кто сказал, что это вечная река не заберет всех тех, уже умерших моих «я», тяжким грузом давших на мои плечи?

С такими думами я спускался к самой реке, когда обнаружил спящего юношу. У рук его, распростёртых на смятой траве, сидел ворон. Он не испугался моего внезапного появления, он был неким застывшим слепком из чьих-то мистерий.

Человек открыл глаза и сказал: «Ко мне должны

слетаться все птицы, здесь же ко мне прилетает лишь ворон».

Он стал моим другом.

Он был странен, как и все в здедном мире.

Я назвал его Ловчим птиц.

Позже мне стало казаться, что я уже видел его когда-то, что в той, прежней, жизни был у меня такой же друг, только глаза его были юные, и птицы вокруг него были самые разные. К реке нас привели разные дороги, но одна и та же тягость томила наши плечи. Здесь мы оба превращались в тени, но там, где были мы раньше...

Там он мог стать героем любого повествования, его можно было представить в любой картине, и в любом романе его слова обязательно приобретали нужный вес. Он – актёр, и внутри него – таинственная мастерская. Но он актёр искренний, и художник в его мастерской лишь пытается передать своё настоящее посредством кисти и красок.

Этот человек играет в прятки на огромном поле и читает мне своё прошлое в стихах. Мы складываем обрывки газет, ищем удивительные линзы, чтобы узнать все краски мира, отбросить их. Оживаем в разрушенных домах, различая ящерцу на кирпичных осколках. Тоска гибает в дугу, но мы сами её выбрали.

Так же как сами выбрали поиск свободы и бессменного счастья.

Будучи здесь, мы говорили обрывками, бросая в каждое слово ворох остывших чувств. Говорили с ним про себя, не вслух. Однажды, кидая в реку камни, почувствовали, как с исчезающим в воде камнем теряется некий, почти несомый, груз, часть того самого, нависшего над нами, того, что принесли из той жизни, не справившись с ним и мечтая умереть. Почувствовав это, мы затеяли нечто абсолютно бессмысленное, и, как часто случается, чрезвычайно обнадёживающее. Мы начали строить плотину.

Смешное и нелепое – внезапно это дело стало для нас наиглавнейшим. Быть может, оно стало первым нашим действительным делом на берегу. Ловчий птиц начинал улыбаться и рассказывать про тех, кто был влюблен в него в той жизни.

Несли камни, бросали в воду, и течение уносило их. Они не успевали коснуться дна, да и было ли оно там? Слово заключали в свою ношу всю таившуюся в душе тяжесть. Освобождались день за днём. И по вечерам, слушая голос Той, что сидела у обрыва, я начинал чувствовать, как распаивается моё существо, и время волною песка выплёскивается наружу, исчезая во всё той же реке.

Глаза моего друга начинали блестеть, дыхание его становилось глубже – жизнь начинала посещать его, заполняя небообразно огромные залы его души причудливым настроением неба и леса. Кроны шептали нам своё благословление голосами тысячи душ. Оставить всё лишнее и быть лёгкими в пути – лишь тогда мы сможем вернуться. Река терла обманчивое течение, рыбак перестал забрасывать сеть. Нет нужды в его времени. Теперь мы действительно были готовы умереть – незачем запасаться впрок тем, что при рассмотрении исчезает, а при осознании превращается в вечность. Эта вечность была с нами, а мы с ней, незачем забрасывать сети. Незачем занимать чужого хлеба, мы готовы умереть, мы легки и свободны. Лишь только не знаем, что готовым умереть открывається Жизнь.

Эпилог, или самое начало

Когда последний груз отправился по реке, ко мне сошла Та, что пела песни над водой и цветочным ковром. Когда последний мой камень пропал в русле, мы взяли по одному маленькому и волшебному, чтобы никогда не забыть этот великий урок. Мы исчезли в зелёных дорогах, заблудились в полях, и однажды вышли туда, где нашли всех вас, занятых привычными делами. Мы шли и улыбались, заглядывая вам в лица. Мы вернулись, мы будем, мы есть.

P.S. Той реки я впредь уже никогда не встречал...